

Драко повернул голову и посмотрел на него:

— Папа, а где ты был в тот день?

— Я был в кабинете.

Люциус почувствовал, как в глубине души поднимается тяжелое чувство вины.

— Ты слышал, как я упал?

— Слышал.

Драко кивнул и снова провел рукой по стволу старого дуба. Под ладонью ощущалась грубоватая, теплая кора. Затем он убрал руку, развернулся и продолжил путь вглубь сада.

Люциус крепко держал его за руку. Они медленно шли по садовой дорожке мимо аккуратно подстриженных живых извести, мимо кустов роз, пускающих свежие побеги, мимо аллеи из падуба, который благодаря магии круглый год оставался зеленым.

Шаги Драко становились все увереннее, подошвы ступали по нагретой солнцем каменной дорожке. Время от времени он останавливался, указывал на пролетающую над прудом стрекозу, чтобы Люциус тоже посмотрел, или приседал возле листа причудливой формы и спрашивал: «Папа, а из этого можно заваривать чай?»

Люциус отвечал на каждый вопрос. Без спешки, без суеты, не подгоняя сына. Он уже очень-очень давно не проводил так беззаботно время, наслаждаясь весенними деньками вместе с Драко.

В последние годы прошлой жизни Драко метался — в Хогвартсе, под тенью Волан-де-Морта, на скамье подсудимых. Каждый его шаг был поспешным, тяжелым, словно он ступал по лезвию ножа. И Люциус тогда так и не успел замедлить шаг и пройти рядом с ним.

Теперь же он не хотел ускорять хотя бы секунду этого пути.

Они гуляли уже довольно долго, когда с крыльца вышла Нарцисса.

Она переоделась в светлую мантию, волосы были аккуратно убраны. Рядом с ней семенила Рейч, неся в руках поднос с тремя чашками дымящегося чая и сладостями.

Нарцисса подошла к каменному столу в саду, не стала звать их, а просто села, подняла чашку и принялась смотреть на удаляющиеся силуэты отца и сына.

Люциус и Драко как раз шли вдоль берега пруда. Драко остановился, указал на нераскрывшийся цветок кувшинки, плавающий на поверхности воды, и что-то сказал. Люциус наклонился, достал волшебную палочку и взмахнул ею над кувшинкой. Бутон распустился, и Драко радостно заплясал от восторга.

Две фигуры — высокая и пониже — держались рядом, сливаясь на солнце в единую тень, пересекавшуюся лишь самым краем.

Нарцисса держала чашку чая, ее рука застыла в воздухе. Взгляд был прикован к спине Люциуса, и она смотрела на него очень долго.

Она заметила, что с момента ранения Драко Люциус сильно изменился. Изменился его взгляд — в нем больше не было бесконечных расчетов и взвешивания выгоды, теперь в нем читалась лишь забота о семье.

Самое главное — после того несчастного случая Люциус больше ни разу не упоминал Воланде-Морта, темную мантию и чистокровную кровь. Все эти глубоко укоренившиеся понятия раньше он не забывал упомянуть по тридцать раз на дню.

Она знала Люциуса больше двадцати лет и до сих пор помнила детали его предложения руки и сердца. Тогда он делал вид, что совершенно спокоен, заложив руки за спину и крепко сжимая коробочку с кольцом, чтобы скрыть охватившее его волнение, а вслух произнес лишь: «Сисси, семье Малфой нужна хозяйка».

Тогда ей было всего двадцать лет, и, конечно, она прекрасно понимала, что скрывается за этим словом «нужна», но не стала его разоблачать.

Десятилетия семейной жизни сделали Люциуса все более похожим на прежних глав семьи Малфой: хладнокровным, расчетливым, устремленным исключительно к власти и сморящим только вперед. И она к этому привыкла.

Но за эти три дня Люциус шаг за шагом возвращался назад. Его тревога у постели Драко, его взгляд на нее в дверях кабинета, его рука, легшая поверх ее ладони...

Все это были едва заметные движения — настолько мелкие, что если бы она не знала каждую его привычку, то ни за что бы не обратила внимания.

Нарцисса опустила чашку, обведя пальцем ее край. Возможно, подумала она, эта внезапная и тяжелая болезнь Драко смертельно испугала Люциуса.

Он боялся потерять Драко, боялся потерять ее, боялся, что наносное величие чистокровных идеалов, которым он посвятил полжизни, в один миг рухнет окончательно. Этот испуг, пожалуй, пробил трещину в его жесткой броне.

Нарцисса не стала углубляться в мысли — она считала это излишним. Она просто смотрела на отца и сына, шагающих рука об руку по саду.

Досчитав до седьмой совы, Драко внезапно поднял голову и произнес:

— Папа, ты ведь говорил, что когда я поправлюсь, я смогу загадать желание?

Сердце Люциуса едва заметно ёкнуло. Лицо осталось беспристрастным, он лишь повернул к нему голову:

— Разумеется, папа держит свое слово. Какое же у тебя желание?

Драко серьезно посмотрел на белую сову, устроившуюся на ветке дерева, помолчал пару секунд и заговорил. Голос его звучал так же ровно, как во время тренировок перед зеркалом, когда он отрабатывал манеры Малфоев:

— Я хочу новую метлу.

Люциус посмотрел на него, приподняв бровь в знак поощрения, ожидая продолжения. Он прекрасно знал, что его сын не ограничится одной лишь метлой.

Драко запнулся, посчитав начало слишком простым, и добавил:

— ...Но это не самое заветное желание.

— И чего же больше всего на свете хочет наш Драко?

Драко поднял голову. Солнечный свет пал на его лицо, серо-голубые глаза сияли чистым, ясным блеском. Он заговорил так, словно решался на то, о чем думал уже очень давно:

— Я хочу встретиться с Гарри Поттером.

Он произнес эти слова так же твердо, как и три дня назад, но на этот раз его тело окрепло, щеки порозовели, а голос звучал уверенно — отчетливо давая понять Люциусу, что это именно то, чего он хочет.

Люциус опустил взгляд на поднятое к нему лицо сына.

Снова повеял ветерок, принес с собой горьковатый аромат ранней сакуры вперемешку с запахом свежей травы, и пронесся между ними.

Он вспомнил прошлую жизнь: в купе Хогвартс-экспресса одиннадцатилетний Драко стоял перед Гарри Поттером, протягивая руку и говоря: «Я Малфой, Драко Малфой».

А Гарри не пожал ее.

Эти слова стали началом развилки. Одна дорога вела к подозрениям, противостоянию, взаимным обидам, к страху быть использованным Волан-де-Мортом и к двум враждующим фигурам в стенах замка Хогвартс.

Сейчас Люциус стоял у истоков совсем другого пути. Он смотрел на своего сына, чьи серо-голубые глаза были чисты и ясны и еще не были ничем запятнаны.

Он присел на корточки и взял Драко за руки, оказавшись с ним на одном уровне.

— Хорошо, — торжественно произнес Люциус. — Когда ты полностью поправишься, папа отведет тебя к нему.

Глаза Драко ярко блеснули. Он не подпрыгнул и не закричал от радости — истинные Малфои так себя не ведут, — но уголки его губ взметнулись вверх выше, чем за всё это время.

Люциус поднялся и снова взял Драко за руку.

— А теперь нам пора идти на полдник, который приготовила мама.

Про себя он дал твердый обет: с этого самого мгновения все противостояния, подозрения, взаимные обиды и смертельные битвы прошлой жизни аннулируются раз и навсегда.

Он проложит совершенно новый путь, защитит Драко и весь род Малфой, избегнув любых трагических исходов.

Драко сидел за обеденным столом и, ковыряя ложкой пирожное на тарелке, серьезно сказал Нарциссе:

— Мама, мне кажется, я сильно похудел.

Люциус напротив приподнял чашку чая и подвинул тарелочку со сладостями поближе к сыну.

Нарцисса подумала с легкой улыбкой: кажется, эта весна пришла в этот раз немного раньше обычного.